

И.Ю. Котин (Санкт-Петербург)

«ИНДИЙСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ ХАНИФА КУРЕЙШИ «БУДДА ИЗ ПРИГОРОДА»

Роман популярного британского писателя и драматурга Ханифа Курейши¹ «Будда из пригорода» (*The Buddha of Suburbia*) во многом автобиографичен. В нем повествуется о взрослении и обретении жизненного опыта (включая сексуальный) молодого человека из смешанной семьи Карима Эмира. Этот роман, опубликованный в 1990 г. и переведенный в России ([Курейши 2002], см. также рецензию: [Юзефович 2002]), получил большую популярность (и был экранизирован) благодаря отдельным эпизодам, которые одни трактуют как эротические, другие — как порнографические (см., например: *The New York Times*. 2008. 10 Aug.). Я не берусь выступить защитником или судьей автора, не возьмусь также судить о разнице между эротикой и порнографией. Признаюсь, что меня больше интересовал в книге фон — широкая панорама Лондона и Англии вообще конца 1970-х годов, когда пошло на убыль увлечение сексом, наркотиками, беззаботным времяпровождением и на смену им пришли неудовлетворенность и агрессия «сердитого поколения». Особое место принадлежит «тексту» в тексте — индийской теме.

Как и автор, герой романа — сын англичанки и индийца-мусульманина. Литературные справочники и даже аннотации к книге пишут об отце-пакистанце писателя, но последний родился и вырос в индийском Мадрасе (отец героя — родом из Бомбея), в 1947 г. покинул Индию и в Пакистане никогда не жил. Отождествление с пакистанцами у таких индийских мусульман в Англии — результат пропаганды, оказываемой на них пакистанской стороной, а также следствие обиды, испытываемой индийскими

¹ См. статью: Проскурин Б.М. Взрослый сын «Сердитого молодого человека» в поисках идентичности: о романе Ханифа Курейши «Близость» // Вестник Пермского Университета. 2009. Вып. 6. С. 73–80.

мусульманами, бежавшими из родных мест во время погромов 1947 г. в пору обретения Индией независимости и раздела ее на два доминиона — Индию и Пакистан.

Книга Ханифа Курейши начинается своеобразной автохарактеристикой героя, от лица которого и ведется повествование. Герой говорит: «Зовут меня Карим Эмир, и я англичанин по происхождению и по крови. Почти. Зачастую меня принимают за англичанина нового типа, эдакий забавный гибрид двух древних культур. Но мне плевать, я — англичанин, хоть и не горжусь этим, англичанин из Южного Лондона и путь держу в неизвестность. Может быть, именно смесь континентов и темпераментов, всех этих “там” и “здесь”, общности и покоя и погружает в тоску. А может, это окраина так влияет. Впрочем, к чему копать в себе и отыскивать причины. Достаточно сказать, что я ввязывался во все неприятности, приобщался к любому виду действия и действия, тянулся к любым сексуальным развлечениям, потому что жизнь в нашей семье протекала уныло, медлительно и однообразно» [Курейши 2002²: 7].

Довольно искренняя и нелюбезная автохарактеристика. Отметим здесь индийское происхождение героя, его английское самосознание, факт проживания в южном Лондоне, точнее, как потом это станет яснее, — в Орпингтоне, пригороде, очень скучном «спальном районе» (я там бывал), формально относящемся к графству Кент, но всеми ниточками привязанном к Лондону.

Перед нами — человек пограничья, маргинал, причем граница не только географическая (между Индией и Англией целый океан различий), историческая (страна завоевателей, метрополия и страна завоеванных, колония), но и социальная. Отец Карима вырос в обеспеченной аристократической семье, мать — англичанка из рабочей семьи. Как пишет Курейши от имени Карима, «только по приезде в Лондон до папочки дошло, насколько он усложнил себе жизнь <...> Никогда прежде не приходилось ему самому готовить, стирать, чистить ботинки и стелить постель. За него все делали слуги. Отец говорил, что, когда он пытается

² В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием страницы.

вспомнить дом в Бомбее, ему никак не удастся восстановить в памяти кухню: туда он просто-напросто не входил» [42]. «Маму порядком раздражала его аристократическая бесполезность, но вместе с тем она гордилась отцовской родней. <...> Они благороднее Черчилля, — говорила она людям. — Он ездил в школу в экипаже, запряженном лошадьми» [Там же].

Приезд Харуна в Англию вызвал у него культурный шок, наверное, сопоставимый с тем шоком, который вызвали у англичан индийцы, прибывшие в Англию в большом количестве в 1950–1960-е годы, сравнения с которыми боялись Харун и его семья и «про которых говорили, что они не умеют управляться с ножом во время еды и совершенно не знают правил пользования туалетом <...> В отличие от [этих иммигрантов-рабочих], отец приехал в Англию, потому что его послали учиться. Его мать связала ему несколько шерстяных маек, вызывающих дикий зуд, и помахала на прощанье со станции Бомбей, предварительно взяв с них [Харуна и Анвара] обещание никогда не есть свинину. Отец должен был вернуться на родину элегантным английским джентльменом с дипломом в кармане, и к тому же искусным танцором» [43].

Англия встретила приехавших Харуна и его друга Анвара неласково: «Лондон, Олд-Кент-роуд повергли обоих в ледяющий шок. Было влажно и туманно, обращались к ним не иначе как “Солнечный Джим”; еды вечно не хватало, а отец так и не смог привыкнуть к маслу, капающему с тостов. <...> [Он-то] думал, [они будут] питаться ростбифами и йоркширским пудингом <...> Но карточки на продукты еще не отменили, район этот, разбомбленный во время войны почти до основания, пока был безхозным и заброшенным. Вообще, британцы, живущие в Англии, вызвали у отца удивление и жалость. Он никогда не видел англичанина в бедности, а именно так жили железнодорожники, дворники, лавочники и бармены. Он никогда не видел англичанина, пальцами запихивающего в рот кусок хлеба, и никто не говорил ему, что англичане моются нерегулярно из-за отсутствия горячей воды <...> И когда отец принимался рассуждать в местных пабах о Байроне, выяснилось, что не каждый англичанин умеет читать и далеко не каждый желает выслушивать лекции индийца на тему

поэтики безумца и извращенца, а ведь никто его не предупреждал об этом» [Там же].

Харуну и Анвару было у кого в Лондоне остановиться — их приютил доктор Лал, дантист, выпускник Кембриджа, иммигрант с довоенным стажем. Харун изучал юриспруденцию, «Анвар учился на авиаинженера в северном Лондоне» [45]. Оба не реализовали свои знания и не осуществили свои планы.

Харун женился на англичанке, и это был брак по любви, имевший, однако, и то преимущество, что Англия становилась менее чужой для Харуна, он как бы породнился с Англией через Маргарет. Анвар женился на девушке из Пакистана, из знатной семьи, «принцессе Джите», как называл ее Карим. Семья Джиты была влиятельнее семьи Анвара, но статус «британского индийца» был высок. «Вскоре принцесса Джита приехала к Анвару, — рассказывает Карим, — и стала моей тетушкой Джитой. Тетушка Джита ничуть не походила на принцессу, и я дразнил ее, потому что по-английски она говорила с ошибками. Она была очень стеснительной, и жили они в грязной комнатухе в Брикстоне. Эти далеко не хоромы примыкали задней стеной к железнодорожной станции. Однажды Анвар совершил серьезную ошибку: заключив пари и выиграв кучу денег, он взял в краткосрочную аренду магазин игрушек в южном пригороде Лондона. Полный крах был бы неминуем, если бы принцесса Джита не превратила магазин в бакалейную лавку. Дело пошло. Народ повалил валом» [46–47].

Отец Карима Харун слишком часто заглядывал в бар и тратил деньги на модную одежду. Он лишился поддержки родственников и был вынужден устроиться на мало оплачиваемую службу в государственном учреждении. «Жизнь его, некогда бьющая ключом, полная юношеских развлечений, пляжа и крикета, насмешек над англичанами и визитов к зубному врачу, вошла в тесные берега, ограниченная отныне железным расписанием и бесконечными дождями. Ежедневные поездки в метро и грязные пеленки, лопающиеся от январских морозов трубы парового отопления и растапливание угольной печки в семь утра — таковы результаты преобразования любви в семейную жизнь в двухэтажном домике, имеющем общую стену с соседями и расположенном в южном пригороде Лондона» [47].

Харун стал чиновником, Анвар — хозяином маленького магазинчика. Их неудачи позднее заставили обоих обратиться к религии, Анвара — к исламу, Харуна — к религиозным поискам вообще. Отец Карима, Харун — мусульманин, но он далек от ортодоксального ислама, увлекается йогой и литературой по восточной философии. При этом интерес к философии у него сочетается с иным хобби — ращением волос на груди, а питается он дешевыми книжками в бумажных переплетах из недорогих лавок старой книги. Основные сведения его о йоге — из английской брошюрки «Йога для женщин». Курейши пишет по поводу этой книги и вообще круга чтения Харуна: «Она пылилась среди других книг по буддизму, суфизму, конфуцианству и дзен-буддизму, которые он покупал в книжном магазине восточной литературы в Сесил-Корт, рядом с Чаринг-Кросс-роуд» [10].

Группа симпатизирующих Харуну людей интересуются Индией и всем индийским, и это совпадает по времени с его увлечением йогой. Например, его подруга Ева приглашает Харуна с супругой к себе в гости, однако англичанка Маргарет отказывается и приводит следующий аргумент: «Неужели ты не замечаешь, Харун? Ведь я всего-навсего англичанка, а ей индийцев подавай» [11]. Харун воспринимается некоторыми англичанами как знаток Востока и хранитель тайных знаний. Он даже приглашен на одну из вечеринок, чтобы дать уроки медитации нескольким офисным служащим, которые постоянно «оперировали словечками вроде “Кришнамурти”, “Дворжак” и “эклектика”» [23].

С этого дебюта начинается восхождение Харуна к успеху в качестве вероучителя. Вероятно, он и есть тот самый «Будда из пригорода», который дал название книге, хотя главным героем романа стал сын Харуна Карим. Рискую предположить, что роман первоначально был задуман не без влияния творчества Салмана Рушди как некая фантазия, роман в духе рушдианского «фантастического реализма», и Харун, давший название роману, должен был стать главным героем. Однако некоторая приземленность Курейши, его интересы к несколько иной сфере, гораздо менее духовной, иное образование, интересы и жизненный опыт автора и героя превратили роман, задумывавшийся как книга «а ля Рушди», в самостоятельное и по-своему яркое произведение.

Итак, главным героем романа становится не Харун, а Карим, и действие, по существу, начинается с визита Харуна и Карима в дом Евы, где сначала Харун дурачит интересующихся своими соображениями по поводу йоги, даже устраивает некий мастер-класс медитации, а заканчивается уединением Харуна с подружкой в саду, уединения, однако, неполного. У Карима, который подсматривал за отцом и Евой во время их ночного занятия любовью, возникают вопросы и о своей, и об отцовской сути, точнее — идентификации: «Интересно, неужели и я был зачат таким же макаром — в остром ночном воздухе пригорода, под христианские стоны мусульманина-ренегата, вырядившегося буддистом?» «Кто я?» — вопрос, который постоянно задает себе Карим. Точнее, его интересует то, кем его считают другие. Ибо сам-то он считает себя полноценным англичанином. Такого же мнения о себе и его младший брат Амар, тем не менее выбравший себе имя Алли «во избежание расовых проблем» [36]. Отметим, что шотландское имя «Алли» вполне приемлемо для англичан, но звучит и как мусульманское «Али».

Между тем, пока Карим пытается совсем «выскочить» из индийской оболочки, его отец все больше начинает использовать «индийский ресурс». Перед англичанами, которые его принимают за индийского гуру, Харун «присвистывал на букве “с” и утрировал свой индийский акцент. Годами отец пытался от него избавиться, чтобы как можно больше походить на англичанина, и тут на тебе, здрастье-пожалуйста, зачем?».

У Карима — южнолондонский, орпинтонгский акцент, но ему тоже потом придется пройти эту трансформацию. В нем видят прежде всего индийца, и когда Карим пытается найти себя в качестве актера, то ему достаются роли южноазиатов. Он с интересом и некоторым недоверием наблюдает трансформацию отца из англоязычного и англазированного плохо оплачиваемого и непопулярного среди коллег муниципального служащего южноазиатского происхождения — в модного «индийского гуру». Карим замечает: «на них [Еву и др.] подействовала его магия, и я окрестил его “божком”, но некоторые сомнения у меня все же оставались. Он не заслужил еще полного права на это прозвище. Мне хотелось бы знать, действительно ли мой внезапно прославив-

шийся папочка мог что-то дать людям или он всего лишь очередной эксцентрик из пригорода» [40]. На этот вопрос Карим себе так и не ответил, возможно, просто потому что изменились интересы и приоритеты автора. Больше судьбы Харуна его интересовала биография Карима, а также вторая основная «индийская линия», связанная с семьей Анвара, с которым отец дружил в Бомбее еще в детстве.

Карим рассказывал: «Отец и Анвар жили по соседству и с пятнадцатилетнего возраста были друзьями не разлей вода. <...> По выходным играли в крикет, и после школы — в теннис на семейном корте. Слуги подавали мячи. В частых матчах по крикету с англичанами приходилось поддаваться <...> Англия должна была победить <...> В то время постоянно случались бунты, демонстрации и драки между индуистами и мусульманами. Вдруг выяснилось, что друзья и соседи индусы выкрикивают непристойности перед твоим домом» [41]. Карим зачарован рассказами: «У отца было идиллическое детство, и когда он рассказывал мне о своих приключениях с Анваром, я только диву давался, как он мог обречь собственного сына на прозябание в безрадостном пригороде Лондона, о котором говорят, что перед глазами его жителей в смертный час возникают не картины прошлой жизни, а окна с двойными стеклами» [42].

Анвар стал мелким предпринимателем — купил магазинчик, в котором стал работать сам, где ему помогали жена Джита, аристократка княжеской крови, вышедшая замуж за, как казалось, уважаемого индийца из Лондона, и их дочь Джамила, ровесница и подружка Карима. Не менее идиллическое, чем у Харуна, детство Анвара отделяет и его и отца Карима от последовавших в 1960-е годы многочисленных иммигрантов из Индии второй волны, преимущественно чернорабочих. Но ностальгии по Индии как стране утраченного детства у него нет. «Индия — дрянное местечко, — ворчал Анвар. — Чего ради туда ехать? Грязь, жара, а делом там заниматься — только мозоль на заднице отрастишь. Уж если ехать, то в какую-нибудь Флориду». Дружья Харун и Анвар нередко спорили. Харун «громил Анвара:

— Круг твоих интересов сводится к туалетной бумаге, сардинам в томате, гигиеническим пакетам и турнепсу, — говорил он

Анвару. — Но в небе и на земле существует множество других вещей, не связанных с твоими упоительными мечтами посреди супермаркета.

— Мне мечтать некогда! — прервал его Анвар. — И тебе бы не следовало. Очнись! Лучше попытайся получить повышение, чтобы Маргарет могла купить себе какую-нибудь обновку...

— Дождешься от белых повышения, как же, — возразил отец. — Только не для индийца, пока по земле ходит хоть один белый. Им кажется, что у них весь мир в кармане, а там и двух пенни не найдется. Попробуй с ними договориться.

— Тебя не повышают, потому что ты — лентяй», — заключает Анвар [49]. Он-то знает, что такое настоящий труд. Вот как описывает будни магазина Анвара и Джиты «Райские кущи» Карим: «Рай открывался в восемь утра и закрывался в десять вечера. Теперь они работали и по субботам, хотя каждый год на Рождество Анвар и Джита брали неделю отпуска. Всякий раз по окончании новогодних праздников я с ужасом ждал, что Анвар произнесет: “Ну вот, всего триста пятьдесят семь дней, и мы сможем нормально отдохнуть” <...> Не знаю, сколько у них было денег. Но если и были, должно быть, их закапывали в саду; они никогда не покупали вещей, ради которых народ <...> не пожалел бы и жизни, как-то: вельветовые шторы, стереомагнитофон, картины, электрическая газонокосилка, окна с двойными стеклами» [87].

Его друг действительно не очень усерден на службе. Потом и эту службу он бросает, чтобы заняться проповедью «восточной мудрости». Его будущее как проповедника автора романа не слишком интересует, и читатель, как и сын Харуна Карим, остается в неведении, «действительно ли мой внезапно прославившийся папочка мог что-то дать людям или он всего лишь очередной эксцентрик из пригорода».

Увлечение Индией в определенных кругах британского общества находит отражение в романе, причем нельзя сказать, что автор книги и его герои в восторге от этого порой весьма поверхностного увлечения. Карим на одной из вечеринок услышал от хозяина дома Карла (ориентируюсь на перевод Д. Крупской, но я бы перевел имя как Чарльз), только что вернувшегося из Индии: «В мире существует два сорта людей — те, кто побывали в Ин-

дии, и те, кто там не был». Какова же реакция главного героя, сына индийца? Карим сообщает, что после этих слов ему пришлось встать и переместиться за пределы слышимости [54]. Карим знает кое-что об Индии, но он уже — британец. И прозвище у него — Крими (Кремчик). Да и Харуна родственники по линии жены зовут Гарри, ибо «одно то, что он индиец, даже без учета этого нелепого имени, уже было достаточным минусом». И все же Маргарет и ее родня символизируют консервативную Англию, пусть брезгливо, но принимающую новых граждан из бывших колоний.

Гораздо резче в оценках и поступках оказывается отец Хелен, приятельницы Карима. Сторонник Инока Паулла, он спустил на мальчика датского дога, выкрикивая проклятия в адрес «иностранца», и пригрозил Кариму: «Не вздумай больше таскаться к моей дочери. Она не встречается с мальчишками. Тем более с китаезами» [69]. Здесь — демонстративное пренебрежение реалиями. Для отца Хелен безразлично истинное происхождение Карима, но важно, что тот — не англичанин. «Сколько бы черномазых здесь тут ни шастало, нам это не нравится», — добавляет он.

Дочь Анвара Джамилы становится близким другом Карима. Она — более мужественна, чем Карим, бредит подвигами, считает своей героиней Анджелу Дэвис, готовится «к партизанской войне, которая обязательно грянет, когда белые окончательно отвернутся от чернокожих и азиатов и попытаются запихнуть нас всех в газовые камеры или выпустить в открытое море на дырявых лодках» [95].

Карим замечает: «Н-да, то мы были французами — я и Джамилы, то американскими неграми. Но дело в том, что полагалось то нам быть англичанами, однако для англичан мы всегда были черномазыми, ниггерами, “индюками” и так далее» [Там же].

«Джамилы всегда таскала в сумочке фотографию Анджелы Дэвис, ходила в черном и грубила учителям» [91]. Но именно борцу за свои и всеобщие права Джамиле предстоит уступить отцу в главном — выйти замуж по соглашению. Анвар принял это решение, именно опасаясь экстравагантности Джамилы и рассчитывая найти в зяте-индийце помощника, который смог бы помочь в ведении дел в магазине. «В результате всех этих телефон-

ных переговоров брат Анвара в Бомбее нашел мальчика, который воспылил желанием переселиться в Лондон на правах ее мужа. Правда, мальчик был далеко не мальчиком. Ему стукнуло тридцать» [97].

Джамила вынуждена подчиниться диктату отца, который по примеру Ганди начал голодовку протеста против «капризов» дочери. Примечательно, что в описываемый период индийские мусульмане были достаточно индифферентны к вопросам веры и весьма невежественны. Карим воспринимает нелепую гандистскую голодовку Анвара как акт мусульманской веры. Он замечает: «Странно, что дядя Анвар вдруг заделался мусульманином. Я всегда считал, что он вообще ни во что не верит, и был поражен, обнаружив, что он решил буквально отдать жизнь во имя освященных веками принципов». При этом Анвар довольно серьезно выпивал, что противоречило его показной религиозности.

По иронии судьбы или в виде наказания за деспотизм Анвара из Бомбея в качестве сосватанного жениха прибыл избалованный и уродливый, с культей вместо руки бездельник Чангиз. Он оказался совершенно бесполезен в качестве помощника в хозяйстве и мужа Джамилы. Появление Чангиза привело к некоторому помешательству Анвара, краху семейного бизнеса, уходу из семьи Джамилы.

Карим посетил дом Анвара и заметил, «какими обшарпанными и мрачными стали “Райские кущи”»: краска на стенах отслаивалась, полки покрыты пылью, а линолеум на полу корявый и потрескавшийся. Несколько ламп, кажется, перегорели, и зал погружен в сумрак. Даже овощи в коробках перед входом казались безжизненными, а Джита устала бороться с расистскими надписями на стенах, которые появлялись вновь и вновь, стоило их стереть. Остальные магазины в округе, вплоть до самого Лондона, быстро набирали силу, модернизировались, когда их выкупали деятельные пакистанцы и бенгальцы. Например, приезжают в Лондон несколько братьев, каждый работает на двух работах: днем — в конторе, по ночам — в ресторане. Они покупают магазинчик, одного брата ставят менеджером, за кассу сажают его жену. Затем покупают второй магазин и делают то же самое, пока не раскинут целую сеть заведений. Деньги текут рекой. Но лавка

Анвара и Джиты ничуть не изменилась за все эти годы. Предприятие стало убыточным. Все пошло вкривь и вкось» [276]. Однажды в витрину магазина запустили свиной головой [277].

Это именно то время, когда Анвар зачистил в мечеть; она представляет собой «ничто иное, как полуразвалившийся дом с террасой, пропахший благовониями. Пол усеян луковой шелухой, мулла Квамар-Уддин сидит за столом, окруженный книгами по исламу в кожаных переплетах, с красным телефоном, оглаживает бороду и почесывает живот. Анвар пожаловался мулле, что Аллах отвернулся от него, несмотря на его неустанные молитвы и отказ от плотских удовольствий» [278].

С точки зрения и Карима и автора, Чангиз в итоге оказался не таким плохим человеком, но ему пришлось многое испытать, прежде чем он адаптировался к английским условиям. Одним из самых серьезных испытаний стало нападение на Чангиза разозленного Анвара и внезапная смерть последнего от сердечного удара. «Анвар умер, бормоча что-то про Бомбей, пляжи, мальчишек из Кэтфордской школы, взывая к маме...»

Тема жизни и смерти, безверия и веры, показной и истинной веры — одна из главных в романе. Вот и на мусульманском кладбище Лондона «не обошлось без мелкого спора, когда один из индийцев вынул ручной компас и сообщил, что яма выкопана неправильно и смотрит не на Мекку» [342]. Карим, бывший на похоронах, при этом замечает: «Все это мне напомнило, как меня выгнали из класса за то, что я спросил, во что одеваются на небесах. Я воображал себя одним из первых людей в истории, открывшим, что любая религия — это всего-навсего фантастические сказки для детей» [Там же].

В Чангизе открывается любовь к ближнему, которой не так богаты другие герои романа. Он признается Кариму, что у него «нет предвзятого отношения даже к пакистанцам» [438]. Впрочем, тут же мы видим, как Чангиз «поносил любого пакистанца, встречавшегося ему на улице.

— Только взгляни на этого опустившегося человека, — говорил он в полный голос, останавливаясь и тыча пальцем в какого-нибудь своего соотечественника, возможно официанта, спешащего на работу, или старика, неторопливо бредущего в центр помощи

инвалидам, или группку сикхов, которые идут навестить своего бухгалтера. — Да, душа в них есть, но причина здешнего расизма именно в том, что они так чумазы, неопрятны и дурно воспитаны. Одни наряды чего стоят, тюрбаны и прочее, такое непривычное для глаз англичанина. Чтобы их приняли, нужно одеваться на английский манер и забыть о своих грязных деревнях! Нужно решить, наконец, где ты — здесь или там. Гляди, насколько я — здесь! Почему вон тот нищий не смотрит англичанину в глаза? Неудивительно, что у англичанина возникает желание его ударить!» Неудивительно и то, что апологету «британской правоты» Чангизу вскоре самому досталось от английских расистов: «На Чангиза напали несколько человек, обозвали его грязным пакистанцем, не понимая, что он индеец <...> Его били, пинали и принялись было вырезать бритвой на животе аббревиатуру Национального фронта, но сбежали, потому что Чангиз испустил клич мусульманского воина, напоминающий вой сирены, услышанный, наверное, в Буэнос-Айресе» [362].

Некая амбивалентность героев Курейши объясняется и человеческой природой вообще, и их маргинальным положением не там и не тут, и там и тут. Чангиз рассуждает о необходимости для индийцев в Англии стать англичанами. Карим говорит и мыслит по-английски, у него мать — англичанка, он считает себя англичанином, но раствориться в массе англичан не может — мешает цвет кожи! Между тем у Чангиза желание интегрироваться в английское общество сменилось разочарованием. Когда он по подозрению в убийстве Анвара попал в полицейский участок, то там его «допрашивали, <...> называли иммигрантом, “индюком”, подонком, черножопым, ублюдком и убийцей». [340]. Идиллия для Чангиза закончилась.

Карим, не просто интегрированный в британское общество, но исходная живая его часть, постоянно слышит в свой адрес замечания о своей чужеродности британскому организму. Режиссер Дермотт говорит ему: «Судьба твоя — быть в Англии человеком смешанной расы. Должно быть, тебе трудно с этим смириться: ни корней, ни тяги к родным местам. Расизм. Трудно?» [231].

Кариму действительно трудно смириться с миром, в том числе и с миром театра и кино, в котором ему, «англичанину по про-

исхождению и по крови», уготованы роли Маугли, «иммигранта из маленького индийского городка, только что приехавшего в Англию» [355], индийца-таксиста, опустившегося пакистанца (чьим прототипом стал Чангиз) и т.д. Даже мать Карима, англичанка, переживает за эти до некоторой степени унижительные для него, мальчишки из Орпингтона, роли. О его роли индийского провинциала она замечает: «Хотя бы не в набедренной повязке, и на том спасибо. По крайней мере, тебе разрешили одеться по-человечески. Но ты не индиец. Ты никогда не был в Индии. Ты схлопочешь диарею в ту же секунду, как ступишь на землю этой страны» [373].

Однако именно играя этих индийцев, даже Маугли, Карим вдруг ощутил, что «они — мой народ и что я полжизни отрицал это и закрывал на это глаза. Я чувствовал себя смущенным и одновременно ущербным, как будто существовал только наполовину, как будто вступил в тайный сговор с врагами, теми белыми, которые хотят, чтобы индийцы во всем походили на них. Частично я винил в этом отца. В конце концов, он, как и Анвар, за всю жизнь ни разу не изъявил желания вернуться в Индию. Хотя в этом смысле он не кривил душой: он предпочитал Англию. Все обстоятельства работали на него: здесь не жарко и не видишь во-круг всего этого кошмара, на который никак не можешь повлиять. Он не гордился своим прошлым, но и не стыдился его; что было, то было, и нечего комплексовать по этому поводу, как любят делать некоторые азиатские либералы и радикалы. Так что если я хотел извлечь из индийского прошлого какие-то личные преимушества, придется мне позаботиться об этом самому».

И Кариму многое удается. Он самозабвенно играет пьесу, и, по словам Евы, увидевшей эту постановку, спектакль удался: стало ясно, что «это о нашей стране. О том, какими мы стали жестокими, как мало в нас осталось добродетели. Она развеивает миф о терпимой, благопристойной Англии» [368].

Между тем отец Карима Харун бросил жену и работу и с подругой Евой перебрался из захудалого пригорода Орпингтон в Лондон, где стал довольно известным проповедником. Карим замечает: «Мне всегда казалось, что в Лондоне он не найдет себе применения в качестве гуру, но теперь стало ясно, что у него

не будет недостатка в последователях, пока город полон одинокими, несчастливыми, не уверенными в себе людьми, которым так необходимы руководство, поддержка, сочувствие» [447].

Карим поехал с ними и был счастлив оказаться в городе своей мечты: «Там были ребята в бархатных плащах, свободные как птицы, и тысячи темнокожих, среди которых я мог раствориться». В Орпингтоне и Карим и Чангиз мучительно переживают стигму индийских чернорабочих, к которым автоматически причисляют и их. Чангиз возмущается: «Я человек умственного труда, не какой-нибудь иммигрант-замухрышка» [176]. Здесь же, в Лондоне, индийцы не только чернорабочие, но и адвокаты, врачи, студенты. Кариму порой кажется, что он — белый. В Орпингтоне было сложнее. Он даже стеснялся Чангиза. Так, они «с удовольствием болели за наших на стадионе Миллуолл, где [Карим] заставил Чангиза натянуть на лицо шапку с прорезями для глаз на случай, если наши парнишки увидят, что он “индюк”, и решат, что я — тоже».

Карим еще молод, ему трудно понять индийцев старшего поколения, которые в старости мечтают вернуться на родину, во многом идеализируя ее. Анвар перед смертью хотел вернуться в Бомбей. Харун нашел для себя «Индию духа». Это своеобразное мысленное, воображаемое возвращение. Он говорил Кариму: «Нам, старым индийцам, все меньше и меньше нравится Англия, и мы возвращаемся к своей воображаемой Индии».

Между тем ни Анвар, ни Харун не борются за свои права. Карим пребывает в своем мире. Далек от борьбы Чангиз. Активное протестное начало в романе олицетворяет Джамила, участвовавшая в митинге против действий скинхедов в одном из районов Лондона, вероятно в Тауэр Хэмлетс. Джамила приглашает Карима присоединиться к ней, она предупреждает об опасности мероприятия: «Национальный фронт устраивает свой парад по соседству, в азиатском районе. Намечается фашистский митинг в районе Таун-Хилла; будут громить магазины азиатов, их жизням грозит опасность. Остановить мы их не остановим, но, по крайней мере, заставим нас услышать».

Карим не успел на митинг протеста. Он запутался в своих чувствах к коллеге по сцене Элеоноре и прождал ее полдня у нее

дома. Между тем мир сцены оставляет ему роль специи. Режиссер Пайк объясняет ему важность такого амплуа: «У нас есть классовые проблемы, расовые предрассудки, меньшинства, секс и фарс. Чем еще можно привлечь публику? Ничем!» Вновь, как и в захолустном Орпингтоне, Кариму напоминают о его потолке. Об ограничении возможностей для индийца в мире «белого человека». Другое дело — Америка! Туда Карим попадает с актерской труппой Пайка. Там он задерживается, восхищенный многообразием и динамичностью культурной жизни Нью-Йорка. Но оттуда он уезжает по своей воле, влекомый ностальгическим чувством привязанности к своей родине, ведь он — «англичанин по происхождению и по крови».

Библиография

Курейши Х. Будда из пригорода / Пер. Д. Крупской. М.: Иностранка, 2002.

Юзефович Г. Ханиф Курейши. Будда из пригорода // Еженедельный журнал. 2002. № 15. 11.09. — Режим доступа: <http://www.inostrankabooks.ru/ru/text/437>.